

**Любовь
АНУФРИЕВА**

г. Сыктывкар

**Бур-р Каро –
хор-роший Каро!..**

рассказ-притча

Однажды, когда я была маленькой, моя городская тётя позвонила и похвасталась бабушке, что купила попугая и хочет научить его разговаривать. Как же я удивилась! А потом вспомнила, что, блуждая у речки в поиске разноцветных камешков, слышала над собой какие-то странные звуки. Тогда я посмотрела вверх и увидела на ветке огромной ели, не слишком высоко над землёй, гнездо вороны. И тут мне в голову взбрело: вот возьму из

гнезда птенца и научу его говорить по-коми. Так и поступила: побежала к речке, вскарабкалась на ель. Ох и ветки под ногами трещали! От этих звуков птицы взбудоражились – видно, не понравилось им появление незваной гостьи. Я же больше всего пугалась смотреть с высоты вниз. Мне всё время казалось, что закружится голова и, как большая шишка, я грохнусь с дерева.

Добралась до гнезда – птенцы вороны были одни. Они увидели меня, и их ещё неумелое карканье стало до такой степени писклявым, что резало уши. На птенцах было мало перьев, даже прикасаться к ним было неприятно. Неприятно выбирать – и, закрыв глаза, я выхватила первого попавшегося. С ели спустилась стремительно, словно на санках с горки скатилась – чудом не ушибла воронёнка.

В ту же минуту лес ожил: казалось, все птицы, обитавшие в округе, громко перекрикивали друг друга: «Украла! Ук-р-рала!!!» Казалось, они вот-вот накинутся на меня и заклюют. Мне тут же захотелось избавиться от птенца. Но как взобраться на дерево, когда мой разум наполнился страхом от птичьего ора со всех сторон?! Тогда я впервые ощутила себя воровкой. Мне было стыдно... Ужасно стыдно! А птенец живым испуганным комочком сжался и молчал. С птенцом за пазухой я убежала домой.

И вообще, не знала, как об этом скажу своим домашним. Догадывалась, что отругают. А вдруг выгонят с птицей из дома?! И тогда ко мне пришло понимание, что страх может совершить многое! Он и надоумил: домашним скажу, что, мол, гуляла возле речки и увидела

выпавшего из гнезда птенца, он летать не умеет, внизу собаки, лисы бегают. Так жалко стало мне эту птичку, что не осмелилась оставить его на произвол судьбы.

От этой задумки мне стало стыдно, даже уши горели, но я успокаивала себя: птенец подрастет (у птиц же есть свойство расти без родителей!), а когда окрепнет, то отпущу его к своим — к пернатым.

Дома всем выложила выдуманную правду. Никто не усомнился, даже не подумал, что могу соврать. Назвали птенца Каро. Отец разрешил приютить его в сарае и подобрал большую картонную коробку. Велел оберегать Каро от кошек и собак, ведь он был совсем беззащитен. А ещё отец сказал, что птенца необходимо аккуратно кормить: нельзя попасть на него водой или пищей, иначе перо запреет, крылышки испортятся — будет болеть и никогда не научится летать. Он же посоветовал кормить Каро варёной картошкой, внутренностями сырой рыбы, червяками... Вороны не из капризного рода, ко всей еде приспособляются.

Я старалась: копала червей, просила у мальчишек после рыбалки потроха рыб, варила картошку, меняла газеты в коробке, радовалась каждой встрече с Каро. Правда, временами приходили мысли о матери-вороне. Смогло ли её сердце стерпеть потерю детёныша?.. Плачут ли птицы?.. Затем вспоминала об обмане своих близких. Всё это изнутри точило и грызло меня. Но как теперь исправить, как сказать настоящую правду, когда уже сама почти поверила в свою байку?

Каро подрос. Даже научился несколько слов говорить по-коми: «Каро бур-р! Бур-р Каро!» О чём бы ни говорила с ним — отвечал всё время этой фразой...

Я понимала, что приходит время попрощаться с птицей — всегда заранее предчувствовала расставания. Бывает, ни с того ни с сего встревожится моё сердце, застучит часто-часто, будто кто-то стиснул его в кулаке, и от каждого сжимания близится время разлуки. Мне не хотелось выпускать Каро — привыкла к нему.

Однажды я вынесла его из сарая на улицу. Глаза воронёнка засверкали то ли от радости, то ли от чего-то непредсказуемого для меня. На улице я стала учить Каро быть птицей — показывала, как летать: размахивала руками, бегала

туда-сюда, озорничала. Он с удивлением смотрел на меня. А потом я взяла его в руки. Один раз подкинула к небу, второй, третий... Каро немножко растерялся: упав на землю, недовольно озирался по сторонам. Подкинула ещё раз, а он распахнул крылья и спланировал — я догадалась, что ему это понравилось. Снова подкинула к небу — наконец он раскрыл крылья и неуклюже полетел. Видели бы вы, с какой гордостью воронёнок уместился на краешке крыши сарая! Недолго осмотрелся вокруг, словно собирая все свои силы, и потом полетел — сначала к лиственнице, что росла с незапамятных времён возле калитки. Посидел чуток на ветке, озираясь по сторонам, и устремился в сторону реки. Я гналась за ним, окликала по имени. Бежала, бежала... Споткнулась и упала в лужу. Сидела и редела. Не из-за грязи. Понимала, что от неё отмоюсь в бане и даже домашние меня пожалеют... Но как отмыться от постыдного поступка, который я всё время пытаюсь забыть? Столько горя, получается, я принесла Каро! Ведь при первой возможности он от меня сбежал — улетел к своим!

Дома после бани снова разревелась. Родители успокаивали меня, убеждали, что всё равно воронёнок возвратится ко мне, потому что не сможет забыть, — ведь я его спасла, а это хороший поступок. Вместо ответа только и думала: «Разве нужна я Каро?! Зачем ему возвращаться? Он-то ведь помнит, каким путём попал ко мне».

С надеждой по утрам я заглядывала в сарай, всё ещё верила, что услышу «Каро бур-р! Бур-р Каро!» С каждым разом всё больше и больше убеждалась — Каро не возвратится. Так и случилось.

Эту историю я никому не рассказывала, но тем побегом птицы жизнь вбила в моё сердце тонкий острый гвоздь. Теперь знаю: больше никогда не осмелюсь так поступить. По недомыслию я посмела оторвать птенца от матери, дать ему имя Каро, поселила в сумрачном сарае. Я была твёрдо уверена, что человеческая жизнь лучше птичьей! А на самом-то деле всё не так: Каро чужды были стены сарая... Он — птица, рождённая свободной, — жил в тюрьме...

Каро сбежал, но не покинул меня: тем побегом он поместил меня в мысленную тюрьму моих неотпущенных грехов. Он прилетал в мои сновидения стражником: впорхнёт в сон,

посмотрит сверкающими глазами, а потом жадно клюёт мою душу, насыщается и улетает на волю. Может, и других ворон угощал частичками моей души... Во сне я всё время пырвалась сказать ему: «Каро бур-р! Хороший Каро, прости меня!», но злой колдун-сон будто склеивал мой рот, я могла только мычать что-то бессвязное. Нет ничего хуже непрощённых грехов! Моя вина перед Каро бесконечна. Может, и не хватит человеческой жизни искупить её. Как объяснить ему, что я была маленькой и глупой и поступить по-другому не могла. Заварила кашу — нахлебалась вдоволь, да вот расхлебать не получается. Неужели всю жизнь мне предстоит мысленно перелистывать страницы той печальной истории?..

* * *

Спустя много лет уже с пятилетней дочкой мы гуляли у реки. Таня, как и я когда-то в детстве, собирала поблёскивающие камешки, а самые необычные старалась припрятать в кармашек платяща... Она о чём-то шепталась с ними, а потом заливисто хохотала, словно камешки рассказывали ей смешные истории. От её звонкого смеха встревожились птицы. И мне в этот момент показалось, что та самая ворона, оставшаяся без птенца, сейчас украдёт мою Та-

ню. Стало не по себе. Я уже хотела увести дочку, но Таня вдруг маленькими ручонками потащила меня за подол куда-то вдаль.

— Хочешь ещё собрать камешков на берегу? Давай в следующий раз! — попыталась уговорить её.

Но Таня строптиво замотала головой и ответила:

— Птица говорит: «Бур-р Каро! Каро бур-р!» Ворона по-коми говорит. Слово «бур» — я знаю — «хороший», а как перевести «Каро»?

Оказалось, что в птичьем шуме Таня услышала, как одна из птиц отозвалась по-коми, и дочке очень захотелось увидеть её.

— Каро?! Это имя, как твое — Таня! Оно не переводится. Давай крикнем: «Бур-р Каро!» и узнаем, какую птицу в стае так зовут!

Мы кричали хором: «Бур-р Каро!» и искали говорящую птицу, долго искали... Но не смогли отличить её в стае других, летающих в небе над лесом.

Мне было достаточно и того, что через много лет Каро ещё раз появился в моей жизни и принёс о себе весточку. Теперь уже моей дочке он отозвался по-коми.

□

Любовь Андреевна ЕРОФЕЕВА

(литературные псевдонимы — *Любовь Ануфриева, Баяр Люба*)

родилась в деревне Гам Ижемского района.

Окончила Сыктывкарский государственный университет.

Сотрудник Литературного музея И.А. Куратова.

Автор книги «Птицы не осудят» (2008), вышедшей в Таллине

на коми, русском, эстонском, английском языках;

«Мукод енколаын» (2013) («В других мирах»);

«Дас витод из» (2014) («Пятнадцатый камень»).

Лауреат премии «Серебряное крыло» журнала «Войвыв кодзув»,

премии М.А. Кастрена (Финляндия),

конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

